

внесения элементов своей системы в систему победившего языка, сколько путем воздействия и катализации его закономерного развития». Т. П. Ломтев считает, что сравнительно-исторический метод был и является единственным методом исторического исследования закономерного хода развития языка. Поэтому исследование влияния внешних факторов на развитие языка должно основываться на принципах сравнительно-исторического метода.

Подводя итоги дискуссии, ученый секретарь Института языкознания Б. В. Горнунг отметил, что необходимо перейти от общих теоретических рассуждений к конкретным историческим исследованиям.

Надо констатировать, говорит Б. В. Горнунг, что значительная часть выступавших на дискуссии в той или иной форме поддержала тезис В. И. Абаева: о воздействии языкового субстрата можно говорить лишь при наличии процесса этнического смешения или смены населения. Однако на данной дискуссии субстрат понимался нами лингвистически. В последующем появится необходимость в совместной работе с археологами, этнографами и антропологами.

Приходится отметить, говорит Б. В. Горнунг, что на дискуссии не получил достаточного освещения важный вопрос о соотношении системы языка, развивающегося по своим внутренним законам, и элементов, внесенных субстратом. Б. В. Горнунг считает, что не следует, анализируя взаимодействие диалектов, их наследию и смешения, принимать такие термины, как субстрат и суперстрат. Одновременно он указал, что большинством выступавших мнение о большой и исключительной роли лексического заимствования в процессе воздействия субстрата на другие стороны языка не было поддержано.

«Надо, может быть, — заключает Б. В. Горнунг, — выработать некоторые очень тонкие методы исследований, которыми мы еще не владеем, выработать их в контакте с представителями смежных дисциплин. Но все это отнюдь не означает, что можно говорить о какой-то новой отрасли языкознания, которую мы можем противопоставлять как бы изжилому себе сравнительно-историческому языкознанию. Правильно лишь то, что сфера приемов, обычно объединяемых названием «сравнительно-исторический метод», должна быть расширена. И, конечно, нельзя отрицать, — Б. А. Серебренников в этом отношении прав, — и большой роли общей сравнительной семасиологии, когда мы имеем дело с взаимодействием неродственных языков. Эта общая сравнительная семасиология не имеет ничего общего с единством глоттогонического процесса, с которым ее сравнивал А. И. Попов». Б. В. Горнунг выразил также пожелание, чтобы дискуссии дали толчок к развитию топонимических исследований.

Э. А. Макаев

В ИНСТИТУТЕ ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

13—16 июня состоялось открытое расширенное заседание Ученого совета Института языкознания АН СССР. На этом заседании были подведены итоги и намечены перспективы дальнейшей работы советских языковедов, обсуждались вопросы истории литературных языков и их соотношения с территориальными диалектами и общенародным языком, вопросы нормализации литературных языков¹.

Заседание открыл директор Института языкознания доктор филол. наук проф. В. И. Бороковск и й. В своем докладе «Состояние и перспективы изучения русского языка» он охарактеризовал положение в разных областях науки о русском языке — в грамматике современного русского языка, фонетике, в области нормализации русского литературного языка, культуры речи, истории русского литературного языка, в исторической грамматике и диалектологии, дал оценку основным трудам по русскому языку, появившимся за последние годы, наметил основные перспективы работы.

Говоря о достижениях советской науки о русском языке, докладчик отметил и оставание в некоторых областях русистики. Так, например, описательное изучение языков преобладает у нас над историческим, почти не ведется работа по палеографическому точному описанию и изданию памятников древнерусского языка, историки русского языка в своей работе мало прибегают к изучению неопубликованных памятников, почти нет работ по экспериментальной фонетике, совсем нет работ по синтаксису разговорной речи. В. И. Бороковский особо подчеркнул важность теоретической разработки основных вопросов русского языка, указав, что этому будет способствовать

¹ См. «Открытое расширенное заседание Ученого совета 13—16 июня 1955 г. Тезисы докладов и выступлений» М., 1955.

создание творческих научных школ, вырабатывающих оригинальную научную методику, по-новому разрешающих вопросы теории.

Доклад члена-корр. АН СССР Б. А. Серебрянникова «Состояние и перспективы изучения языков народов СССР» был ограничен рассмотрением лишь тех языков Советского Союза, которые изучаются в Институте языкознания АН СССР (финно-угорские, тюркские, монгольские, иберийско-кавказские, балтийские, прапские, языки народов Севера). Б. А. Серебрянников указал, что изучение языков неславянских народностей СССР было той областью, где больше всего стремились укрепиться Н. Я. Марр и его единомышленники, ибо там, где мало изучены факты, недостаточно выяснены закономерности, легче всего создавать лже теории, используя затрудненность проверки выводов и недостаточное знакомство с материалом. Поэтому освобождение советского языкознания от марризма имело особое значение для изучения языков народов СССР в смысле оздоровления этого участка работы.

Б. А. Серебрянников охарактеризовал недостатки, общие в изучении всех групп языков: преобладание описательного изучения над историческим, недостаточное внимание к созданию полноценных больших национально-русских словарей и этимологических словарей, неправильное понимание сравнительно-исторического метода как метода простого сопоставления, без реконструкции архетипов. Первоочередными задачами специалистов по языкам народов СССР Б. А. Серебрянников считает создание сравнительно-исторических грамматик (тюркских языков, языков народов Севера и др.), организацию работы по изучению фонетики различных языков, развертывание работы по диалектологии. В заключение Б. А. Серебрянников сказал о необходимости создания языковедческих журналов для специалистов в области изучения различных языков народов СССР.

Доклад доктора филол. наук Р. И. Аванесова «Литературный язык в его отношении к системе общенародного языка» был построен в теоретическом плане с учетом данных ряда языков. Р. И. Аванесов рассмотрел в своем докладе следующие проблемы: вопрос о методе и объекте исследования истории литературного языка и исторической грамматики, о понятии самого литературного языка, о специфике закономерностей развития литературного языка, об отношении общенародного языка к местным диалектам, об отношении литературного языка к общенародному языку, о характере языковой нормы как исторически изменчивой категории, степени ее распространения в разные эпохи, о месте литературного языка в составе языка национального.

Особенность метода исследования исторической грамматики по сравнению с методом исследования истории литературного языка состоит, по мнению Р. И. Аванесова, в том, что историческая грамматика принципиально ретроспективна, т. е. воссоздает прошлое главным образом исходя из данных современности. В противоположность ей история литературного языка, как и история народа, строится в прямой последовательности — от прошлого к настоящему, так как сведения о литературном языке прошлого извлекаются непосредственно из письменных памятников соответствующих эпох. Определяя само понятие литературного языка, Р. И. Аванесов сказал, что оно в разные исторические эпохи имеет неодинаковое содержание. Существенными признаками литературного языка являются следующие: 1) литературный язык наряду с письменной формой имеет и устную форму, применение которой значительно расширяется по мере развития национального языка; 2) литературный язык есть язык отработанный, отшлифованный мастерами; 3) литературный язык обслуживает сферу культуры во всех ее проявлениях. Закономерности развития литературного языка отличаются от закономерностей развития общенародного языка. Литературный язык традиционен во всех отношениях, в силу чего он лишен естественности развития обычной живой общенародной речи. Письменный литературный язык, кроме того, скован нормами орфографии, словоупотребления, грамматики. Р. И. Аванесов считает, что литературный язык не знает фонетических и грамматических процессов, свойственных общенародному языку. Он имеет дело только с их результатами. Литературный язык имеет свои закономерности развития, важнейшей из которых является, повидимому, отбор: литературный язык принимает одни элементы общенародного языка, отвергает другие, регламентирует употребление третьих.

Взаимоотношение литературного и общенародного языков и место литературного языка в системе общенародного языка глубоко своеобразны в разных языках и в разные эпохи истории. Проблема взаимоотношений литературного и общенародного языков является частью более широкой проблемы языка народности и языка нации. Общенародный язык и местные диалекты представляют собой не внешние по отношению друг к другу объекты, а многообразные формы одного и того же объекта — языка народа.

Канд. филол. наук С. И. Ожегов прочитал доклад на тему «Вопросы нормализации современного русского литературного языка». С. И. Ожегов показал, что еще на заре русского научного языкознания вплоть до 30-х годов XIX в. вопросы нормализации литературной речи занимали значительное место в работах языковедов. В последующее время интерес к вопросам нормализации литературного языка постепенно ослабевает. В наше время призывы советской общественности к стилистическому

упорядочению речи и к устранению разнобоя в различных сферах русского языка стали обычным явлением. Откликнуться на эти призывы — прямая обязанность языковедов.

Только советская эпоха вновь выдвинула идею нормализации литературного языка как научную проблему. Основой нормализации литературной речи должно явиться определение понятия нормы языка, как исторически изменчивой категории. В основу нормализации языка должны лечь не отдельные соображения о генезисе различных явлений, а изученные закономерности и тенденции развития национального литературного языка, впитавшего в себя, переработавшего и преобразовавшего в новую систему материал предшествовавшего развития. В заключение доклада С. И. Ожegov остановился на вопросах нормализации русской произносительной системы и ударения.

Кроме названных выше четырех докладов, на заседании было прослушано три выступления, в которых рассматривались вопросы развития отдельных литературных языков.

Выступление проф. М. М. Гухман было посвящено вопросу «О соотношении немецкого литературного языка и диалектов». М. М. Гухман сказала, что в условиях существования развитых национальных языков литературный язык, как в устной, так и в письменной форме, является выразителем общенародной наддиалектной нормы, господствующей во всех сферах общения и противостоящей многообразию местных диалектов. М. М. Гухман считает, что выработка единства литературного немецкого языка начинается с того момента, когда восточносредне немецкий вариант литературного языка, получивший фиксацию в XVI в. в литературе, связанной с эпохой Реформации и Великой крестьянской войны, особенно в произведениях М. Лютера, распространяется на юго-запад, северо-запад и северо-восток Германии. Процесс этот обозначается с конца XVI в. Единство всех сторон литературного языка продолжает оформляться в течение всего XVIII и частично XIX в. Позже всего оформляется орфоэпическая норма; диалект и так называемый «полудиалект» до настоящего времени употребительны в сфере устной речи не только в сельских местностях, но и в городах.

Канд. филол. наук Ф. Т. Жилко в выступлении на тему «Полтавско-киевский диалект — основа украинского литературного языка» сказал, что лишь после лингвистической дискуссии 1950 г. среднее Поднепровье — территория полтавско-киевского диалекта — стало объектом изучения. В этом диалекте представлены наиболее типичные для украинского языка в целом черты грамматического строя, фонетической системы и лексического состава, кроме того он имеет меньше, чем другие говоры, узко местных особенностей. В XVII в. среднее Поднепровье стало центром борьбы украинского народа против польской шляхты, а затем некоторое время и центром формирующейся украинской государственности. Это способствовало распространению особенностей полтавско-киевского диалекта на территории других диалектов украинского языка, а также созданию фольклорных произведений различных жанров именно на основе юго-восточных говоров. Говоры среднего Поднепровья стали в дальнейшем основой и современного украинского литературного языка, возникшего в конце XVIII — начале XIX в.

Вопросу об «Узбекском литературном языке и его отношении к диалектам» было посвящено выступление доктора филол. наук В. В. Решетова. Узбекский язык как определенная сумма узбекских говоров в диалектологическом отношении является более пестрым, чем территориально смежные тюркские языки, что объясняется сложностью этногенетического процесса, в условиях которого происходило постепенное формирование узбекского народа. Два фактора предопределили диалектное многообразие узбекского языка: 1) взаимодействие различных родо-племенных групп, в разное время мигрировавших на территорию современного Узбекистана; 2) участие в этногенетическом процессе пестротюркских (особенно таджикских) этнических элементов.

Диалектной основой узбекского литературного языка, по мнению В. В. Решетова, является ташкентско-ферганская группа говоров, генетически восходящая к языковой общности караханидского периода. Заканчивая свое выступление, В. В. Решетов сказал, что в Узбекистане заметно отстает решение насущных орфографических и терминологических задач; это объясняется недооценкой значения диалектологии, нежеланием считаться с показаниями опорных говоров ташкентско-ферганского типа.

В прениях по докладу приняли участие не только сотрудники Института языкознания, но и многие языковеды Москвы и других городов Советского Союза. Наиболее оживленные прения развернулись по докладу Р. И. Аванесова.

Доктор филол. наук В. Н. Ярцева остановилась на некоторых положениях доклада Р. И. Аванесова, исходя из материала английского языка. По мнению В. Н. Ярцевой, в докладе недостаточно было подчеркнуто, что сближение письменной и устной формы литературного языка происходит только в период языка нации: история английского языка дает яркие доказательства этого факта.

В. Н. Ярцева возражала против мнения Р. И. Аванесова о том, что в литературном языке не происходит развития и изменения тех или иных языковых явлений, а лишь отбор из тех вариантов и конкурирующих форм, которые существуют в общенародном языке. Она считает, что роль литературного языка не сводится к простому нормиро-

ванию употребления, ибо сам факт отбора определенной формы дает ей возможность распространиться, и эта, казалось бы, чисто количественная сторона употребительности того или иного варианта, того или иного слова не может не влиять на развитие и самого общепародного языка: отобранные литературным языком формы становятся более активными — той моделью, которая действует в общепародном языке.

Член-корр. АН СССР В. М. Жирмунский согласился с основными положениями доклада Р. И. Аванесова. Он сказал, что предложение Р. И. Аванесова четко разграничить предмет исторической грамматики и истории литературного языка давно осуществлено в вузовском преподавании русского языка. Пора его распространить и на преподавание иностранных языков, потому что до сих пор в преподавании этих языков отсутствовала история литературного языка. В. М. Жирмунский считает целесообразным в методическом отношении излагать историческую грамматику ретроспективно, например, историю немецкого языка начинать со средневерхненемецкого периода, а не с готского и древневерхненемецкого, однако он не согласился с мнением Р. И. Аванесова, что такое изложение диктуется логикой самой науки, методом исследования. По мнению В. М. Жирмунского, употребление понятия «литературный язык» является в докладе нечетким и противоречивым. С одной стороны, термин «литературный язык» применяется по отношению к единому отработанному и нормированному языку нации, поднимающемуся над местными диалектами, с другой стороны, этот же термин употребляется по отношению к языку средневековья, о котором нельзя говорить как об отработанном и отшлифованном. В. М. Жирмунский предлагает различать терминологически эти понятия и советует в первом случае употреблять термин «национальный литературный язык».

Выступивший по докладу Р. И. Аванесова доктор филол. наук В. П. Сухотин также остановился на определении понятия «литературный язык». Он сказал, что названные в докладе признаки литературного языка существенны, но каждый из них нуждается в разъяснении; кроме того, необходимо было выделить среди этих признаков ведущие, определять их соотношение в различные эпохи, уточнить понятие устной формы литературного языка.

Канд. филол. наук В. Д. Левин, отметив, что в докладе остается невыясненным содержание понятия «общепародный язык», возражал против мнения Р. И. Аванесова о том, что диалекты и литературный язык есть форма общепародного языка. В. Д. Левин сказал, что наличие устной формы не может считаться всеобъемлющим признаком литературного языка, так как для ранних эпох, например русского языка, нет устной формы литературного языка. По мнению В. Д. Левина, для русского языка лишь в XVIII в. можно говорить о наличии устной формы. В. Д. Левин не согласился с утверждением Р. И. Аванесова о том, что записи деловой речи находятся за пределами литературного языка, относятся к сфере письменной речи.

Канд. филол. наук А. А. Реформатский принял участие в споре между Р. И. Аванесовым и В. Н. Ярцевой по вопросу об особенностях развития литературного языка. Он продолжил мысль Р. И. Аванесова о том, что литературный язык не творит, а отбирает, проиллюстрировав ее рядом примеров из истории французского языка.

Доктор филол. наук Э. Г. Ризель согласилась с утверждением Р. И. Аванесова, что у литературного языка имеется устная форма. Она считает, что в нее входит и устная обиходная речь. Э. Г. Ризель возражала против мнения о том, что эта устная форма не имеет твердых норм: у устной формы литературного языка есть нормы, но они могут применяться иначе, чем в письменном языке (например, рамочные конструкции в немецком языке), и могут быть иными, чем в последнем. Сфера устного общения, по выражению Э. Г. Ризель, есть «лаборатория олитературивания»: некоторые факты диалектов входят в устный литературный язык и оттуда переходят в письменный, некоторые же так и остаются нормой устной литературной речи.

К мнению о том, что устная и письменная формы литературного языка имеют свои языковые особенности, присоединилась канд. филол. наук А. М. Барзидович, высказавшая также ряд замечаний по вопросу о понятиях «общепародный язык» и «пародно-разговорная речь».

Доктор филол. наук Е. И. Убрятова, отметив большую ценность доклада Р. И. Аванесова, остановилась в своем выступлении на вопросах образования и развития не имеющих давней традиции литературных языков социалистических наций.

С дополнениями к докладу Р. И. Аванесова выступили также кандидаты филол. наук И. Р. Крупас (Литовская ССР), М. И. Исаев и Н. И. Кулаев (Сев. Осетия) науч.-исследовательский институт языка).

В прениях по докладу С. И. Ожегова приняли участие кандидаты филол. наук О. А. Мельник, М. Г. Булахов, Ю. Р. Геннер и С. С. Высотский.

С. С. Высотский сказал, что в докладе С. И. Ожегова впервые показана роль воздействия общества на нормирование языка, раскрыто, почему именно в советский период сознательное воздействие на языковую стихию стало таким актуальным. Однако С. С. Высотский считает, что вопрос о том, как именно определить действующие нормы, остался в докладе открытым, невыясненным.

Он отметил, что нередко люди, ратующие за нормализацию в теории, часто на деле утверждают те нормы, которые соответствуют их языку (например, проф. В. А. Богородицкий признавал фонетическими нормами литературного языка *оканье* и *аканье*; писатель Ф. Гладков требует признания северновеликорусских черт нормой литературного языка). В заключение С. С. Бысогоцкий остановился на вопросах организации изучения живой устной речи. Он предложил развернуть массовое ее изучение, широко привлекая для этого учителей и учащихся вузов.

Ю. Р. Гепнер отметил как большое упущение и односторонность доклада С. И. Ожегова то, что в нем ничего не говорится о нормировании морфологических форм, словоупотребления, а говорится только о нормах ударения и произношения. Он выступил против широко распространенного обычая всякое отклонение от нормы характеризовать как просторечие. Необходимо разграничивать, сказал он, просторечные слова и выражения (типа *ни белыеса*) и такие отклонения от нормы, как *пароходы*, *агенты* и т. п.

С дополнением к докладу С. И. Ожегова выступили О. А. Мельник и М. Г. Булахов. О. А. Мельник охарактеризовала роль синонимических словарей в нормализации языка, в борьбе за культуру речи. М. Г. Булахов, рассказав о работе над созданием грамматики белорусского языка, которая ведется в Институте языкознания АН БССР, остановился на вопросах нормализации белорусского литературного языка.

С замечаниями по докладу В. И. Борковского выступили Ю. Р. Гепнер и доктор филол. наук И. К. Белодед. Ю. Р. Гепнер, согласившись с оценкой разработок литературного языка, данной в докладе В. И. Борковского, и с перспективами, им намеченными, сказал, что среди этих перспектив отсутствуют некоторые очень важные. Таковы, по его мнению, проблемы, связанные с изучением фразеологии, трактовка некоторых грамматических категорий (например, категории наклонения), понятие предложения простого и сложного, вопросы типологии простого предложения, вопрос о границах грамматической аналогии и ее роли.

Ю. Р. Гепнер остановился также на поднятом в докладе В. И. Борковского вопросе о том, что в русистике сейчас описательные работы преобладают над теоретическими исследованиями. Ю. Р. Гепнер считает, что поворот к фактам, конкретному исследованию был важен как отход от марксизма, однако, по его мнению, в настоящее время внимание к фактам стало чересчур большим, тормозит развитие науки: конкретное исследование материала должно сочетаться с обобщениями.

И. К. Белодед, согласившись с мнением В. И. Борковского о том, что развитие исследований по русскому языку способствует развитию исследований в других языках, остановился на вопросе о связи исследований по русскому языку с исследованиями других славянских языков. Он считает недостатком современных работ по русскому языку отсутствие использования данных славистики. В настоящее время работа по славистике ведется в Институте славяноведения АН СССР, Институте языкознания АН УССР и некоторых университетах. Эту работу необходимо координировать, создать единый печатный орган типа журнала «*Slavia*». В заключение И. К. Белодед рассказал об исследованиях различных славянских языков, ведущихся в Институте языкознания АН УССР.

В прениях по докладу Б. А. Серебrenникова приняли участие доктора филол. наук Н. А. Баскаков и Е. И. Убрятова, а также канд. филол. наук А. Т. Борщ.

Н. А. Баскаков сказал, что упрек Б. А. Серебrenникова тюркологам в том, что они не используют сравнительно-исторический метод, справедлив лишь отчасти, так как тюркологи используют сравнительно-исторический метод, но в специфическом его применении, рассматривая вопросы истории языка в связи с историей народа, не обращаясь к реконструкции гипотетических форм. Н. А. Баскаков считает, что перспективы изучения языков народов СССР, намеченные в докладе Б. А. Серебrenникова, обширны, но абстрактны, в них не учтена очередность исследовательских работ.

Е. И. Убрятова, признав правильной ту оценку состояния изучения тюркских языков, которую дал в своем докладе Б. А. Серебrenников, сказала, что он многое упустил, например работы, изданные в Азербайджане. Е. И. Убрятова одобрила предложение Б. А. Серебrenникова об организации журнала, но думает, что должны быть созданы не отдельные журналы по различным группам языков, а общий журнал «Языки народов СССР». Е. И. Убрятова затронула также вопрос о необходимости равномерного распределения языковедческих кадров в национальных республиках.

С дополнением к докладу Б. А. Серебrenникова выступил А. Т. Борщ, рассказавший о работе, которая ведется в Молдавском филиале АН СССР над курсом молдавского языка.

С замечаниями по докладу М. М. Гухман выступили В. М. Жирмунский и Э. Г. Ризель.

В. М. Жирмунский сказал, что доклад М. М. Гухман не вызывает у него возражений по существу, что ее выводы подтверждают его собственными выводами, добытыми при работе над диалектами. В. М. Жирмунский считает очень интересным произведенный М. М. Гухман анализ употребления в XVI в. термина «*gemain teutsch*»

(«общенемецкий»). Но, по мнению Н. М. Жирмунского, утверждение М. М. Гухман о том, что немецкий литературный язык складывается в течение XVII—XIX вв., противоречит содержанию доклада. Кроме того, что говорилось в докладе о роли эпохи Реформации, Немисой приписанной войны 1526 г. и лично М. Лютера, представляется в истинном смысле то, что немецкий литературный язык складывался с XVI по XVIII в., а в XIX в. происходило лишь закреплении его.

Э. Г. Ризоль дополнила доклад М. М. Гухман. Она сказала, что и сейчас существует областной вариант немецкого литературного языка — немецкий язык Австрии, имеющий лексико-фразеологическое, фонетическое и некоторые грамматические особенности. Отличия этого языка нельзя назвать диалектными, так как они зафиксированы в культуре австрийского народа, полностью литературны. Э. Г. Ризоль обратилась также на вопросе об использовании в современной немецкой художественной литературе диалектов в тексте авторского повествования (особенно часто в сатирических жанрах).

С замечаниями по докладу В. В. Решетова выступили В. М. Жирмунский и Н. А. Баскаков.

В. М. Жирмунский сказал, что в докладе В. В. Решетова показано большое значение диалектологических исследований для унификации узбекского языка. В. М. Жирмунский считает, что дело чести узбекских языковедов — создать атлас узбекских говоров, так как он будет иметь большое значение не только для тюркологов, но и для специалистов в области общего языкознания, ибо узбекские говоры представляют собой очень сложную и своеобразную картину.

Н. А. Баскаков возражал против утверждения В. В. Решетова о том, что диалектную основу узбекского литературного языка представляют городские говоры, выделившиеся из языковой общности караханидского периода. Кроме того, Н. А. Баскаков указал на необходимость уточнить понятие ташкентско-ферганских говоров, чтобы определить именно те говоры, которые лежат в основе современного узбекского литературного языка.

Закрывая заседание, проф. В. И. Боровский поблагодарил выступавших за участие в работе совещания и выразил уверенность в том, что разработка поставленных на совещании проблем послужит дальнейшему развитию советского языкознания.

Е. А. Земская

СОВЕЩАНИЕ ПО ВОПРОСАМ КООРДИНАЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ДИАЛЕКТОВ ПРИБАЛТИЙСКО-ФИНСКИХ ЯЗЫКОВ

27 и 28 марта 1955 г. в г. Тарту по инициативе Общества родного языка при Академии наук Эстонской ССР состоялось совещание по вопросам координации исследования диалектов эстонского языка и других прибалтийско-финских языков. В работе совещания приняли участие: Общество родного языка при АН ЭССР, Институт языка и литературы АН ЭССР, Институт языка, литературы и истории Карело-Финского филиала АН СССР, Институт языка и литературы АН Латвийской ССР и 5 кафедр университетов: кафедра эстонского языка, кафедра финно-угорских языков и кафедра русского языка Тартуского университета, кафедра латышского языка Латвийского университета и кафедра финно-угорских языков Ленинградского университета. На совещании было прочитано 8 информационных докладов о работе и планах на будущее в области исследования диалектов прибалтийско-финских языков, латышского языка и русского языка на территории Прибалтики и Карело-Финской ССР.

Открыл совещание действительный член АН ЭССР проф. П. А. Аристэ. В своем вступительном слове он отметил чрезвычайную важность развертывания систематического изучения диалектов языков народов СССР. Описание диалекта должно преследовать цель всестороннего охвата языкового строя, его фонетики, грамматики и лексики с учетом неразрывных связей, существующих между различными сторонами языка.

Описав кратко картину состояния изучения прибалтийско-финских языков и их диалектов, П. А. Аристэ остановился на дальнейших задачах. После смерти члена-корр. АН СССР проф. Д. В. Бурхиха, работавшего в Ленинграде, главными центрами исследования диалектов прибалтийско-финских языков стали Петрозаводск, Тарту и Таллин, поэтому на языковедов этих городов легла основная задача исследования диалектов прибалтийско-финских языков. В особенности нужно записывать тексты, грамматические и лексические данные, изучать экспериментально-фонетичес-